

В Международном нефтегазовом клубе в Гостином дворе прошел музыкально-поэтический вечер, посвященный дню рождения великого русского поэта Сергея Есенина.

«До свиданья, друг мой, до свиданья...»

Поэтические вечера стали хорошей традицией в нашем Нефтегазовом клубе. Они посвящаются, как ныне живущим авторам, так и признанным классикам. Думаем, что Сергея Есенина с полным правом можно отнести именно к классикам российской поэзии. Трудно найти человека у нас в стране, кто бы не знал его поэзии. Стихи настолько музыкальны, лиричны, что многие стали всенародно любимыми песнями. Некоторые прозвучали в концертной программе «Как умеет любить хулиган», посвященной поэту. В концерте были заняты артисты Галина Улетова, Алексей Зыков и Валерий Беляков. Это было их уже второе выступление в нашем Клубе. И оба раза гости вечера уносили с собой самые наилучшие впечатления как от выступления артистов, так и от прекрасных стихов в их исполнении.

С фотографии 1925 года на нас смотрит юное лицо поэта, которому не дашь и 30-ти. Тем более сложно поверить в то, что он был горьким пропойцей и дебоширом, постоянно пил и устраивал громкие скандалы.

Прошло уже более 80 лет со дня трагической гибели поэта. Но до сих пор не смолкают голоса множества версий о его жизни и загадочной смерти. Есениноведа, следователи, криминалисты, писатели и журналисты пытаются отыскать новые факты, подтвердить или опровергнуть множество легенд, связанных с непростой судьбой Сергея Есенина. Самой большой тайной окутана смерть поэта...

Есенин родился в селе Константиново, Рязанской губернии, 3 октября (21 сентября по старому стилю) 1895 года. Можно сказать, что судьба его с детства была нелегкой. Сам поэт писал в своей автобиографии, что «родители поженились очень рано. Сыграв свадьбу, отец вернулся в Москву, а мать осталась в доме свекрови... Детство прошло среди полей и степей. Рос под присмотром бабки и деда...» А его родная сестра дополняет эти воспоминания: «Сергей, не видя матери и отца, привык считать себя сиротой, а подчас ему было обидней и больней, чем настоящему сироте».

Конечно, эти детские впечатления, осознание себя сиротой — отпечатались на всем последующем творческом пути Есенина, ведь его детские годы — это накопление образов и осознание поэтического дара. А свои стихи он придумывает, переделывая на свой лад окончания сказок, которые ему рассказывала бабушка.

Признание к поэту приходит уже в Спас-Клепиковской школе, где он учился с 1909 года — одноклассники и учителя Сергея знают о его таланте, а сам он много читает (его любимыми поэтами были тогда Лермонтов и Кольцов), учится легко, считается одним из спо-

Тем временем стихи Есенина становятся все увереннее, самобытнее, но в его произведениях начинает звучать тема обреченности и скоротечности бытия:

...Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

<1914>.

Позднее Анна Ахматова была поражена пророческим характером этих строк. Она не ошиблась — жизнь Есенина действительно оказалась и скоротечной, и трагичной.

В 1915 году Есенин оставил свою гражданскую жену и «...неожиданно грянул в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта», — записал Есенин. Сохранилась записка поэта с пометкой Блока на ней: «Крестьянин Рязанской губернии, 19 лет. Приходил ко мне 9 марта 1915. Стихи свежие, чистые, голосистые...». Так, благодаря участию поэтов А. Блока и С. Городецкого, Есенин стал желанным

гостем всех самых престижных литературных салонов и гостиных. Он близко сошелся с потом Николаем Клюевым, подпал под его влияние и вместе с ним «разгуливал сусальным мужичком, носил щегольские сафьянные сапожки, голубую шелковую рубаху, подпоясанную золотым шнурком; на шнуре висел гребешок для расчесывания молодецких кудрей».

собных учеников, и в мае 1912 года отлично оканчивает школу — с похвальным листом.

Конечно, первые стихотворные опыты были не лишены подражательства.

Вот стихотворение «Звезды» (сам поэт не включил его в собрание сочинений):

Звёздочки ясные, звёзды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?
Звёзды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?

Частые звёздочки, звёздочки тесные!
Что в вас прекрасного, что в вас могучего?
Чем увлекаете, звёзды небесные,
Силу великую знания жгучего?

И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятья широкие?
Смотрите нежно так, сердце ласкаете,
Звёзды небесные, звёзды далекие!

Исследователи говорят, что эти строки были написаны под впечатлением стихов Михаила Косякова «Звездочки», опубликованного в журнале «Семья и школа».

Можно найти ритмическое сходство и со стихотворением Лермонтова «Тучи»: «Тучки небесные, вечные странники...». Похоже, не правда ли?

А тем временем, после окончания школы, летом 1912 года Сергей Есенин уезжает в Москву, где поступает вольнослушателем в Университет Шанявского (первого в стране учебного заведения, которое можно было бесплатно посещать вольнослушателям). Он продолжает писать стихи, публикует их первое время под псевдонимом «Аристон», но по совету московских издателей «возвращается» к своей фамилии. Одновременно отец его устраивает в типографию Сытина, где поэт знакомится со своей первой гражданской женой Анной Изрядновой. Она вспомнила, что «...он все свободное время читал, все свое жалованье тратил на книги, журналы, нисколько не думал, как жить...». В декабре 1914 Есенин бросает работу и пишет целыми днями. В январе печатаются его стихи в газетах «Новь», «Парус», «Заря».

Родило Есенина и Клюева многое — любовь к русской старине, к устной поэзии, к народным песенным и былинным образам. Но Клюев всегда сознательно отгораживался от современного мира, а Есенина раздражали наигранное смирение и елейность своего наставника. И хотя они общались до самой смерти Есенина, уже через несколько лет после знакомства с Клюевым, Есенин советовал в письме одному поэту: «Брось ты петь эту стилизованную клюевскую Русь... Жизнь, настоящая жизнь Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества...».

В самый разгар Первой мировой войны, в последних числах марта 1916 г. С.А. Есенин был призван в армию и включен в состав запасного батальона, готовившегося для отправки на фронт. По настойчивой просьбе С. Городецкого и Н. Клюева полковник Д. Ломан добился «высочайшего соизволения» на перечисление Есенина в санитары, и поэт служит в Царскосельском военно-санитарном госпитале, читает свои стихи перед великой княгиней Елизаветой Федоровной, перед императрицей (чем вызывает нарекания со стороны своих петербургских литературных покровителей) — в музее поэта сохранилась икона святого преподобного Сергия Радонежского, подаренная членами императорской семьи.

Во время февральской революции поэт самовольно покинул армию Керенского. Он жил дезертиром, работал с эсерами как поэт. Позже он так вспоминал о том времени:

«...Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать,

Сергей Есенин в армии среди военных санитарного поезда (1916)

Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу» и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год».

Весной 1917 года в редакции газеты «Дело народа» Есенин знакомится с 22-летней Зиной Райх и вскоре женится на ней. Однако уже в 1918 году он расстался с ней и переехал в Москву — «Вместе с советской властью покинул Петроград...» Поэт в это время много ездил по России — «Мурман, Соловки, Архангельск, Туркестан, Киргизские степи, Кавказ, Персия, Украина и Крым».

В 1918 году во время открытия барельефа Сергея Коненкова на Кремлевской стене «Павшим в борьбе за мир и братство народов» исполнялась кантата, одним из авторов стихов к которой был Есенин. Сам же Сергей Тимофеевич, друг поэта, часто вспоминал есенинское «яблочко», которое часто звучало в его мастерской на Пресне:

Эх, яблочко,
Цвету звонкого,
Пьем мы водочку,
Да у Коненкова.

С Пресней у Есенина была особая связь — там он часто бывал в мастерской Коненкова, в 20-х годах в Краснопресненский суд будет передано большинство уголовных дел, заведенных на Есенина (всего их будет 13, но об этом — позже), и, наконец, именно на Пресне — на Ваганьковском кладбище он найдет вечное упокоение...

А пока... 17 декабря 1918 г. на заседании Правления Московского профессионального союза писателей Сергей Есенин был единогласно избран в члены Союза...

Он совместно с поэтами Мариенгофом, Шершеневичем и Ивневым создает «Воинствующий орден имажинистов» и издательство «Имажинисты» (от французского слова «image», то есть «образ»). Тогда же он с Сергеем Клычковым организовал «Московскую Артель Художников Слова» и они начали издавать небольшие книжки стихов. Жил он в то время вместе с поэтом Герасимовым в ванной комнате Московского Пролеткульта на Воздвиженке, однако сам Есенин считал 1919 год — «самым лучшим годом своей жизни!»

Слава поэта растет и крепнет, но вместе с ней он пожинает не только лавры заслуженного успеха — все чаще ему приходится выслушивать серьезную критику в свой адрес. В большинстве пролеткультовских журналов говорилось о «пропадающем зря громадном даровании», утверждалось, что «Есенина заедает гниль буржуазной декадентщины», что его поэзия «рабочему классу совершенно не нужна» и прочие подобные вещи. По свидетельству многих современников, Есенина «затащили в имажинизм». Поэт Владислав Ходасевич считал, что «Своим талантом Есенин скрашивал выступления бездарных имажинистов, они питались за счет его имени, как кабацкая голь за счет загулявшего богача». Действительно, и после смерти поэта зимой 1925, многие бывшие его «коллеги» не прочь будут «примазаться» к посмертной славе поэта, а некоторые «особо близкие друзья» будут еще и зарабатывать на этом неплохие деньги, издавая воспоминания и разъезжая по стране с рассказами о «безвременно ушедшем близком друге!»

Но пока мы вспоминаем о 20-х годах. В один из приездов в родное Константиново, Есенин пишет:

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча...

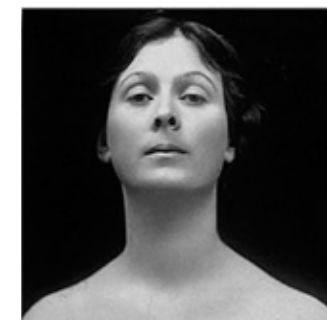
...Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!
<1920>

Есенин видел, что прежний деревенский быт уходит в небытие, ему казалось, что на смену живому, природному приходит механизированная, мертвая жизнь. Борьба деревни за выживание оказывается проигранной, все большее предпочтение отдается городу.

Однажды он ехал из Минеральных Вод в Баку. Неожиданно услышал свист и громкие крики ехавших в том же вагоне и увидел, как рядом с поездом, наперегонки с ним,

бежит жеребенок. «Соревнование» между «стальным конем — поездом» и «красногривым жеребенком» поэт отразил в поэме «Сорокоуст», которую Валерий Брюсов считал «самым лучшим из всего, что появилось в русской поэзии за последние два или три года»:

Мильй, мильй, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

В 1921 году происходит знаменательная встреча с известной танцовщицей Айседорой Дункан, которая приехала в Советскую Россию, так как Нарком Просвещения Луначарский обещал ей собственную танцевальную школу и... Храм Христа Спасителя. Как вспоминал Анатолий Мариенгоф, «...соблазненная храмом Христа Спасителя, она не то что приехала к нам — на крыльях прилетела, но очаровательный нарком надул ее. Вероятно, потому, что слишком смело, без согласования с политбюро раздавал храмы босоножкам...» Он же, не без зависти, писал: «Есенин влюбился не в Айседору Дункан, а в ее мировую славу. Он и женился на ее славе... Ему было приятно и легко ходить с этой мировой славой под руку... и слышать за своей спиной многоголосый шепот, в котором сплетались их имена: «Дункан — Есенин... Есенин — Дункан...»

Есенин одно время жил в роскошном особняке Дункан на Пречистенке и друзья поэта саркастически острили:

«Толя ходит неумыт,
А Сережа чистенький —
Потому Сережа спит
С Дуней на Пречистенке.»

Их отношения складываются довольно странно — Есенин то казался донельзя влюбленным, «то обращался с ней тиранически грубо, вплоть до побоев и обзывания самыми площадными словами». Все близкие поэта отмечали, что совместная жизнь этой пары не складывается. К тому же в этот период в творчестве поэта наступил перерыв. Он накапливал новые силы, прислушивался, словно готовился совершить новый рывок.

В конце апреля 1922 года Есенин получил разрешение на поездку за границу сроком на три месяца. Основным условием Нарком Просвещения Луначарский поставил свадьбу с Дункан и, несмотря на сложности в совместной жизни, 2 мая 1922 г. брак Есенина и Дункан был зарегистрирован. А уже 10 мая они вылетели из Москвы в Кенигсберг самолетом, совершившим первый постоянный международный рейс. Есенин ехал за границу, «чтобы показать Западу, что такое русский поэт», ведь «для поэта полной ареной должна быть не одна страна, а целый мир...».

Сначала Есенин и Дункан полгода путешествуют по Европе. Поэт быстро загрузился. Уже в июле он написал

А. Мариенгофу: «...здесь такая тоска..., что хочется послать это все к этой матери. Сейчас сижу в Остенде. Паршивейшее Гель-Голландское море и свиные тупые морды европейцев...»

После года странствий по Европе и Америке, впечатления у поэта остались очень противоречивые. С одной стороны, в Европе «...мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше. Вспомнил про «Дым отечества», про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за «Русь» как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию». С другой стороны, после Америки: «Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба, немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка. Это не то что небоскребы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.»

Жена поэта, ранее стремившаяся в Америку, также изменила свое мнение о ней и заявила, что никогда не вернется туда.

Но такое единодушие в словах и мыслях уже не объединяло Есенина и Дункан — вернувшись в Москву в начале августа 1923 года, Айседора произнесла: «Вот я привезла этого ребенка на его Родину, но у меня нет более ничего общего с ним...»

Возвращение на Родину, которого так ждал поэт, было не идиллическим.

С сентября 1923 г. по апрель 1924 г. на С.А. Есенина было заведено пять уголовных дел по обвинению его по статьям «публичное оскорбление представителя власти», «хулиганс-

тво», «неисполнение законного распоряжения или требования милиционера, находящегося на посту» действовавшего тогда Уголовного кодекса РСФСР. Ни одно из этих дел не было предметом судебного разбирательства. Все они были прекращены 30 декабря 1925 г. в связи со смертью поэта. Кстати, Есенину почти невозможно было вручить повестку в суд — у него не было постоянной прописки, как и собственного жилья! Отметим, что сам поэт никогда не начинал конфликт — но его можно было легко спровоцировать, чем хорошо пользовались «добрые» люди из окружения поэта. Кому-то нужно было навесить на него ярлык пьяницы и дебошира. Усердно выдирая из контекста его поэтические строки, приводя в пример названия стихотворений и поэм — «Москва кабацкая», «Любовь хулигана», «Страна негодяев», «Стихи скандалиста», недруги поэта преуспели в создании отрицательного «имиджа» бывшего имажиниста (31 августа 1924 года в «Правде» Сергей Есенин и Иван Грузинов объявили о роспуске группы «имажинистов»).

Для самого же поэта, 1924 и 1925 годы — время самой плодотворной работы, достижений вершин своего творчества, а отнюдь не распада и кризиса. К тому же Есенин почти год провел на Кавказе и в Азии (Баку, Батум, Тифлис, Мардакяны), изредка появляясь в Москве и неохотно заезжая в Константиново к родным, что позволило избежать новых провокаций, и с головой погрузиться в творчество.

...Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали в тигулевке...

В октябре 1924 года он писал Г. Бениславской — «Мне кажется, я приеду не очень скоро...работается и пишется мне дьявольски хорошо... я понял, что такое поэзия...

скоро завалю Вас материалом...» Не похоже, что автор этих строк находился в творческом кризисе...

Ко всему прочему, Госиздат принял предложение Есенина об издании собрания его сочинений с оплатой по высшей ставке — «рубль за строчку» — никому из других поэтов не назначаемой. Это говорило о высокой оценке есенинского творчества. И поэт со всей силой принял за работу — он собирался подготовить к печати 3 тома. «Все поэты в России умирали, так и не увидев собрания своих сочинений. А я вот увижу!» — восхищенно говорил Есенин в ожидании первого тома. Мечта его при жизни не осуществилась...

Скандал 6 сентября 1925 года в вагоне по дороге из Баку в Москву грозил новым уголовным делом и судом, и поэт находился под подпиской о невыезде. Есенин перестал жить у своей последней жены — Софьи Андреевны Толстой. В гневе он сбросил с балкона четвертого этажа ее кватирки свой гипсовый бюст работы Коненкова. А в середине сентября Есенин пришел к своей первой жене Анне Изрядновой «...с большим свертком в руках в 8 часов утра...» и попросил все это сжечь, причем сделал он это самолично — «в своем сером костюме, в шляпе, с кочергой в руках...».

Мы не знаем, какие документы и рукописи сжег поэт, но положение его было тяжелым, ведь даже попытка Луначарского вмешаться в ход следствия не принесла успеха. Тогда друзья поэта приняли решение положить его в психиатрическую клинику — мол, «психов» не судят, но Есенин был категорически против. Жена все же смогла уговорить поэта и поздно вечером 26 ноября Есенин согласился... Благодаря заботе профессора Ганнушкина, в клинику которого поместили поэта, сотрудники ГПУ не смогли арестовать его — профессор выдал им справку о том, что «по состоянию своего здоровья больной Есенин С.А. не может быть допрошен в суде». Именно там, в клинике, недалеко от Пироговской улицы, рядом с музеем усадьбы Л.Н. Толстого (на внучке которого по иронии судьбы был женат поэт), Есенин пишет 15 стихотворений, среди которых — 28 ноября —

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел...

7 декабря Есенин отправляет в Ленинград телеграмму о намерении приехать туда в двадцатых числах, а 21-го сбегает из клиники. 22 и 23 декабря он ходит по издательствам, чтобы получить гонорар, навещает детей, и ночью уезжает в Ленинград, где с помощью своих «друзей» устраивается в 5-м номере «ведомственной» гостиницы «Англетер» («Интернационал»). Нынешние исследователи отмечают, что часть свидетелей говорила о 41-м номере, но изучение контрольно-финансовых списков гостиницы показало — фамилии Есенина вообще не было в списке постояльцев! Как не было и ванны в 5 номере (а поэт якобы утром 27 декабря чуть ли не с мочалкой в руках бегал жаловаться из-за подогреваемого без воды котла — «ведь, может взорваться!»), зато в номере был телефон, и не было никакой необходимости бегать по этажам — достаточно было поз-

вонить дежурному. Еще одна загадка — почему в фешенебельном номере не оказалось чернил, и поэт был вынужден писать «предсмертное» стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» своей кровью (отметим — за день до смерти!) — лишь одна из многих в череде тайн загадочной смерти Есенина...

С трудом верится, что находящийся на пике известности, полный планов 30-летний поэт, повесился на веревке от чемодана на вертикальной (!) трубе парового отопления, под потолком 4-метровой высоты, как гласит официальная версия о самоубийстве Есенина. Зачем вешаться, если общеизвестно, что у поэта постоянно был при себе пистолет? Пистолета тоже не оказалось в номере...

И неужели перед таким трагическим актом добровольного ухода из жизни ему больше нечего было сказать миру, кроме восьми строк стихотворения, принадлежность которого поэту опять же оспаривается многими исследователями?

Первой газетой, опубликовавшей информацию о трагедии в «Англетере», стала «Красная газета» — уже днем 28 декабря в ней можно было прочитать известие о смерти поэта. Если учесть, что по официальной версии, только в 11 утра был вскрыт номер поэта, то не понятно, как при старой полиграфической и издательской технологии, с учетом времени на доставку, так быстро газета могла прийти до читателя? Кстати, Троцкий, которому приписывают деятельное «участие» в судьбе Есенина, называл другую дату смерти поэта — 27 декабря...

Максим Горький крайне негативно отнесся к книге «Роман без вранья» (друзья поэта называли ее «Вранье без романа») Анатолия Мариенгофа, (сын которого Кирилл Мариенгоф, талантливый и красивый семнадцатилетний юноша, в 1940 году повесился — точно так же, как, по рассказам отца, сделал это «друг Есенин»): «...Автор — явный нигилист, фигура Есенина изображена им злобно, драма — не понята. А это глубоко поучительная драма, и она стоит не менее стихов Есенина...».

И даже В. Маяковский, отношения которого с Есениным складывались очень сложно, называл издания с процитированными выше утверждениями «дурно пахнущими книжонками...» Трагическая смерть самого Маяковского, загадочная смерть Горького вызовут массу вопросов, точных ответов на которые мы не знаем до сих пор.

В 1922 году Николай Клюев, бывший когда-то наставником Есенина, пророчески написал: «Ты обречен на заклятие за Россию». Мы же будем считать, что загадка жизни и смерти поэта не разгадана...

Написано много книг с версиями гибели Сергея Есенина, и каждый сам для себя определяет, какие факты ему наиболее близки. Но не это влечет нас к Есенину и через 80 лет после его гибели, а то, что по свидетельству современника поэта, «...Человек будущего так же будет читать Есенина, как его читают люди сегодня. Его стихи не могут состариться. В их жилах течет вечно молодая кровь вечно живой поэзии...»

...Сам поэт во время одной из «акций имажинистов» всего лишь на одну ночь «переименовал» Тверскую в «Есенинскую». Прошло почти сто лет, но до сих пор ни одна центральная площадь или улица воспетой им Москвы не носит имени великого русского поэта...

Ян Осин

Практически все свидетели последних дней жизни поэта были репрессированы, и в скором времени расстреляны или пропали без вести в лагерях и тюрьмах. Кому они мешали и что скрывали — мы уже не узнаем...

После смерти поэта началась его «посмертная травля». В этом преуспели все недруги и завистники поэта, пользуясь тем, что он уже не может им ответить, как бывало раньше — либо поэтической строкой, либо по-русски — кулаком по роже...

Вот что можно было прочитать о великом поэте почти сразу после его смерти —

«...есенинщина — это отвратительная напудренная и нагло-раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами, и оттого еще более гнусная...» (Н. Бухарин)

«...поэт погиб потому, что был несроден революции...» (Л. Троцкий)

«...Есенин умер, ибо ему не для чего стало петь...Он пел потому, что ему хотелось радовать себя, ловить самок. И когда, наконец, это ему надоело, он перестал петь». (К. Радек)

И даже защитники поэта (или его «ласковые враги»), наподобие А. Луначарского, косвенно признавали вредоносность творчества поэта — «...не нужно Есенина и есенинщину абсолютно отождествлять».

Среди этого наглого разгула пошлости и вранья, лишь некоторые собратья по перу подняли свой голос в защиту поэта — как Борис Лавренев в статье «Казненный дегенератами», которая чудом просочилась в печать.

